
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕРРОРИСТОВ И ИХ РОДСТВЕННИКОВ
ИЗ ЗОН ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ:
ГУМАНИТАРНЫЕ, УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ,
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

© 2022 г. **О. В. Дамаскин**^{1, *}, **В. В. Красинский**^{2, **}

¹*Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

²*Главное управление региональной безопасности Московской области, г. Красногорск*

*E-mail: dov39@mail.ru

**E-mail: krasinskyvv@mosreg.ru

Поступила в редакцию 25.01.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема возвращения на родину родственников террористов, выехавших в ИГИЛ. Авторы раскрывают гуманитарные, уголовно-правовые, процессуальные и криминологические аспекты специальных операций по возвращению в страны исхода родственников джихадистов. Обосновывается необходимость фильтрации, особого учета и временного надзора за бывшими джихадистами, разработки комплексных программ адаптации и реинтеграции бывших боевиков-террористов и членов их семей.

Ключевые слова: джихадисты, возвращение боевиков-террористов, родственники боевиков, «возвращенцы», «дети-возвращенцы», угроза общественной безопасности, страны исхода, адаптация бывших боевиков и членов их семей, реинтеграция бывших террористов, специальные гуманитарные операции, отказ от возврата боевиков, лишение гражданства боевиков-террористов.

Цитирование: Дамаскин О.В., Красинский В.В. Возвращение террористов и их родственников из зон вооруженных конфликтов: гуманитарные, уголовно-правовые, процессуальные и криминологические аспекты // Государство и право. 2022. № 5. С. 77–88.

DOI: 10.31857/S102694520019744-9

**RETURN OF TERRORISTS AND THEIR RELATIVES FROM THE
ZONES OF ARMED CONFLICT: HUMANITARIAN, CRIMINAL-LEGAL,
PROCEDURAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS**

© 2022 **О. V. Damaskin**^{1, *}, **V. V. Krasinsky**^{2, **}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Main Department of regional security of the Moscow region, Krasnogorsk*

*E-mail: dov39@mail.ru

**E-mail: krasinskyvv@mosreg.ru

Received 25.01.2021

Abstract. The article addresses the problem of the return to their homeland of relatives of terrorists who left for ISIS. The authors disclose the humanitarian, criminal, procedural and criminological aspects of special operations to return relatives of jihadists to the countries of exodus. The need for filtering, special accounting and temporary supervision of former jihadists, the development of comprehensive programs for the adaptation and reintegration of former terrorist fighters and their families is justified.

Key words: jihadists, IS-affiliated families, return of terrorist fighters, relatives of terrorists, “returnees”, “child-returnees”, threat to public safety, countries of exodus, adaptation of former militants and their families, reintegration of former terrorists, special humanitarian operations, refusal to return militants, deprivation of citizenship of terrorist fighters.

For citation: *Damaskin, O.V., Krasinsky, V.V. (2022). Return of terrorists and their relatives from the zones of armed conflict: humanitarian, criminal-legal, procedural and criminological aspects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 77–88.*

Человеческая цивилизация нуждается в осмыслении проблем международной и национальной безопасности¹, поиска путей сотрудничества в решении актуальных вопросов противодействия терроризму² как транснациональной угрозе³, адаптации и реинтеграции бывших боевиков-террористов и членов их семей на гуманитарной, правовой основе.

После завершения активной фазы антитеррористической операции в Сирии и Ираке в лагерях перемещенных лиц в сирийском Приевфратье оказались десятки тысяч иностранцев – бывших сторонников ИГИЛ⁴, ранее проживавших в т.н. вилаятах «Исламского государства». Подавляющее большинство этих людей – родственники (жены и дети) боевиков, выехавших в регион вооруженного конфликта для участия в боевых действиях на стороне ИГИЛ и построения Всемирного Халифата⁵. Вопрос определения судьбы этих людей относится к числу наиболее сложных.

Контингент выехавших джихадистов неоднороден по мотивации, степени интеграции в структуры ИГИЛ, уровню радикализации, полученного боевого опыта и связям в террористической среде⁶. Единые международные и региональные

стратегии, связанные с возвращением, уголовным преследованием, адаптацией и реинтеграцией данной категории лиц, ныне отсутствуют.

Государства учитывают собственные национальные риски и применяют самые разные подходы к решению проблемы «реверса» боевиков и их родственников: от запрета на въезд и лишения гражданства до организованного вывоза и реинтеграции возвращенных лиц⁷.

В 2015 г. подданным Соединенного Королевства, вступившим в ряды ИГИЛ, запретили возвращаться в страну в течение двух лет. В 2019 г. аналогичный закон принят в Австралии. Индонезийские власти в феврале 2020 г. сделали заявление о судьбе своих граждан, присягнувших ИГИЛ. Министр обороны Индонезии Махфуд заявил, что из соображений безопасности 689 индонезийцев, включая женщин и детей, которые находятся в Сирии, не получают разрешение вернуться домой. «Мы решили, что правительство должно предоставить гарантии безопасности 267 миллионам индонезийских граждан», – сказал министр после встречи с президентом Индонезии Джоко Видодо и добавил: «Если эти иностранные боевики вернутся домой, они могут стать новым опасным вирусом».

Аналогичную позицию официально огласил министр внутренних дел Соединенного Королевства Саджид Джавид: «Тот, кто поддерживает террористические группировки за рубежом, не должен возвращаться на Родину»⁸.

По данным ВВС, результаты проведенных в Канаде социологических опросов свидетельствуют о том, что абсолютное большинство респондентов (71%) выступает категорически против возвращения

¹ См.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

² См.: Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020.

³ См.: Дамаскин О.В. Преступность в XXI веке проблемы и перспективы. М., 2020.

⁴ ИГИЛ, ИГ, Исламское государство – международная террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

⁵ Всемирный Халифат – радикально-исламистский проект создания государства, основанного на шариатской форме правления. Созданный после смерти пророка Мухаммеда в 632 г. халифат просуществовал вплоть до начала 1920-х годов (с 1453 по 1923 г. титулом и правами «халифа» владели османские султаны). В период своего расцвета Арабский халифат включал в себя часть Пиренейского полуострова, ряд островов в Средиземном море, Северную Африку, Ближний и Средний Восток, Анатолию, Балканы, часть Кавказа.

⁶ См.: Дамаскин О.В. Криминологические аспекты детерминации экстремизма и терроризма. М., 2018; Его же. Транснациональная преступность: проблемы международной и национальной безопасности. М., 2019; Капинус О.С. Научные подходы к противодействию вербовочной деятельности международных террористических организаций // Противодействие терроризму. Проблемы 21 века. 2016. № 1. С. 5; Ислам и исламский терроризм. М., 2003; Меркурьев В.В., Гладков И.В., Соколов Д.А. Деятельность международных террористических и экстремистских организаций как источник угрозы национальной безопасности России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 4. С. 48–55; ИГИЛ как угроза международной безопасности. М., 2015; Борьба с терроризмом:

новые вызовы и угрозы. М., 2019; Галузо В.Н., Эриашвили Н.Д. О противодействии терроризму (финансово-правовой и сравнительно-правовой аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 19–25; Bruno Schirra. ISIS – Der globale Dschihad: Wie der Islamische Staat den Terror nach Europa traegt. 2015; Gus Martin. Understanding Terrorism Challenges Perspectives and Issues. SAGE Productions, 2013.

⁷ См.: Керимов А.Д., Красинский В.В. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 49–56; Красинский В.В. Противодействие использованию террористическими организациями каналов миграции и вовлечению граждан России в террористическую деятельность за рубежом // Современное право. 2017. № 2. С. 88–93. DOI: 10.18411/g-2017-986

⁸ В руинах Халифата. URL: <https://bbc.com/Russian/features-53906398>

на родину бывших сторонников международной террористической организации «Исламское государство». В марте 2020 г. Королевство Швеция отказалось принять из Сирии детей шведских подданных.

К сожалению, проблематика возвращения боевиков и их семей актуальна и для России⁹. Только в отличие от Индонезии в Российской Федерации не 700, а более 5 тыс. боевиков воевали в Сирии. Эти люди выезжали на т.н. «джихад» практически из всех субъектов Российской Федерации. Чтобы понимать характер проблемы, достаточно представить, что в курдских тюрьмах и лагерях перемещенных лиц в сирийском Приевфратье на момент окончания масштабной антитеррористической операции против ИГИЛ и аффилированных с ним международных террористических организаций (МТО) находились около 4.5 тыс. российских граждан, в т.ч. жен и детей боевиков-террористов.

Уголовно-правовая оценка деятельности боевиков и их дальнейшие перспективы не вызывают особых затруднений – это лица высокой категории опасности, преступники, которые совершали террористические и общеуголовные преступления против представителей органов власти и управления, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, мирного населения. Согласно принципу неотвратимости наказания за терроризм террористы должны привлекаться к ответственности и отбывать уголовное наказание, невзирая на сроки давности.

В соответствии с ч. 5 ст. 78 УК РФ к лицам, совершившим преступления террористической направленности, а также преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются.

Что касается родственников террористов, находящихся в регионах с повышенным уровнем террористической активности, отдельными государствами (в первую очередь Российской Федерацией, Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном) проводится работа по их возвращению в страны исхода.

Обосновывается эта работа гуманистическими соображениями и попытками дать им второй шанс для возвращения в мирную жизнь.

Работа по установлению местонахождения и возвращению на родину несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся в Ираке и Сирии, была организована по поручению Президента РФ еще в 2017 г. При Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка была образована межведомственная комиссия

⁹ См.: *Дамаскин О.В.* Международная террористическая организация «Исламское государство»: современные проблемы и перспективы // *Преступность в 21 веке. Приоритетные направления противодействия* / под ред. А.Н. Савенкова. С. 132.

по вопросу оказания содействия возвращению детей, находившихся в зоне боевых действий. К организации возвращения детей также привлекались международные организации: Международный комитет Красного Креста, ЮНИСЕФ, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

По данным Следственного комитета РФ, в лагерях на территории Сирии и Ирака на тот период могли находиться около 800 детей – предположительно граждан Российской Федерации¹⁰.

В период с 2018 по 2020 г. более 10 авиарейсов доставили в Россию несколько сотен жен и детей террористов, которые возвратились к родственникам. По данным МВД России, 148 возвращенных несовершеннолетних в настоящее время проживают в 21 субъекте Российской Федерации.

Для Российского государства возвращение детей боевиков на родину носит абсолютный гуманитарный характер: во-первых, государство спасает этих детей от гибели и болезней в крайне тяжелых условиях проживания в лагерях перемещенных лиц; во-вторых, ряд детей – оставшиеся без попечения сироты, о которых, кроме государства и дальних родственников позаботиться некому; в-третьих, многих из этих детей в зарубежных странах немедленно привлекли бы к уголовной ответственности и направили в специальные исправительные учреждения для отбывания наказания в виде лишения свободы.

В странах англосаксонской правовой семьи возраст наступления уголовной ответственности (в отличие от романо-германской правовой системы, куда входит Россия) заметно снижен: в Ирландии – семь лет, в Шотландии – восемь, в Соединенном Королевстве – 10; в законодательстве отдельных штатов США – 10 лет (Колорадо, Луизиана, Индиана). В законодательстве стран романо-германской правовой семьи закрепляется минимальный возраст уголовной ответственности: в Польше – с 15 лет; в Российской Федерации, Австрии, Беларуси, ФРГ, Италии – с 14 лет; во Франции и Эстонии – с 13 лет; в Португалии и Нидерландах – с 12 лет¹¹.

¹⁰ Поскольку правила жизни в ИГИЛ не позволяли женщинам оставаться без мужа дольше 40 дней, многие жены (вдовы) боевиков-террористов выходили замуж неоднократно, поэтому дети нередко имеют различных отцов-иностранцев. У детей, родившихся в лагерях боевиков, зачастую отсутствовали какие-либо документы, удостоверяющие их личность либо подтверждающие состояние в браке их родителей.

¹¹ В соответствии с п. 3 ст. 40 Конвенции о правах ребенка государства-участники обязаны установить минимальный возраст, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство. В самой Конвенции минимальный возраст не установлен (см. также *Аустова Л.С.* Уголовное право зарубежных стран. СПб., 2013; *Малиновский А.А.* Сравнительное уголовное право. М., 2016).

Наконец, государство берет на себя расходы по возвращению в страну и выплате штрафов за нарушение своими гражданами (в подавляющем большинстве незаконно проникшими в зоны вооружённых конфликтов для участия в боевых действиях на стороне международных террористических организаций) режима въезда и пребывания в иностранном государстве¹².

Аналогичные специальные гуманитарные операции проводились органами власти Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Так, в ходе многоэтапной операции «Жусан» Казахстан вернул из Сирии и Ирака 595 своих граждан, примкнувших к террористическим структурам, в т. ч. 406 детей¹³. В ноябре 2019 г. в рамках операции «Русафа» из Ирака были вывезены 14 детей, матери которых осуждены за связь с членами ИГИЛ¹⁴.

В результате трехэтапной операции «Мехр» власти Узбекистана возвратили 318 граждан, среди которых 243 ребенка.

Таджикистан вернул только детей (84 ребенка в возрасте от 1,5 до 15 лет) из 575 своих граждан — участников вооруженного конфликта на стороне международных террористических организаций¹⁵.

Может сложиться впечатление, что специальные гуманитарные операции по возвращению в страны исхода родственников боевиков — абсолютно правильная и полезная деятельность. Женщин и детей же спасают. Но это только на первый взгляд все правильно и хорошо. Если разбираться в деталях, то всё далеко не так однозначно. У специалистов в области антитеррора подобные гуманитарные миссии вызывают серьезные опасения.

«Возвращенцы» не являются однородной массой. Их следует фильтровать на категории в зависимости от степени интеграции в ИГИЛ. Во-первых, все эти люди оказались в районах боевых действий, как правило, добровольно. Выбрали свою судьбу. Бросили родителей и близких. Чтобы комфортно жить на захваченных территориях и строить «Великий Халифат». Никто их туда насильно

¹² Российский алгоритм возвращения несовершеннолетних детей боевиков вызвал интерес у компетентных органов Финляндии и Кыргызстана, а также был успешно реализован властями Узбекистана.

¹³ См.: Возвращенцы. «Жусан»: долгое возвращение домой. URL: <http://prevention.kg/?=8352>

¹⁴ См.: Опыт, состояние и перспективы профилактической работы с лицами, возвращенными из зон террористической активности: аналитический обзор. М., 2020. С. 11.

¹⁵ См.: Операция Мехр-3: из Сирии в Узбекистан возвращены 98 женщин и детей. URL: <https://kun.uz/ru/news/2020/12/08>; <https://prevention.kg/?p=9137>; Власти Таджикистана готовятся вернуть из Сирии 575 детей и женщин. URL: <https://rus.azattyq.org/a/30201834>

не гнал, хотя ситуации обмана, дезинформации имели место.

Во-вторых, члены семей боевиков были осведомлены, что их мужья (родственники) в Сирии и Ираке не на заводе или поле работают, а воюют. Все отдавали отчет, что деньги им платят за убийства военнослужащих, отрезание голов у людей, похищения заложников. Учитывая исламский менталитет преданности мужьям, очевидно, что жены (вдовы) боевиков осознавали, зачем они выполнили «хиджру»¹⁶ на территории «Шама»¹⁷.

Традиционно терроризм и радикализация считаются «мужским» вопросом. Отношение к радикализации женщин чаще характеризуется предвзятостью и ошибочными представлениями. В ситуациях конфликта и насилия женщины часто представляются их пассивными участниками, жертвами, беспомощными и зависимыми. В результате женщин не считают потенциальными террористами, они не воспринимаются как фигуры столь же опасные, как мужчины, в случае их вовлечения в терроризм¹⁸. На самом деле образ мирной женщины использовался идеологами и пропагандистами террористических структур, чтобы заявить о якобы ненасильственном характере их деятельности¹⁹. Не случайно ИГИЛ удалось мобилизовать десятки тысяч женщин из большинства государств.

В-третьих, не секрет, что боевики, прошедшие курс боевой и минно-взрывной подготовки, совершавшие расправы над мирными жителями, охотно передавали полученные знания и навыки своим женам, детям и другим близким родственникам. Многие несовершеннолетние дети принимали участие в пытках и казнях заложников. Информационно-пропагандистские агитационные площадки террористических структур изобилуют видеороликами про лагерь подготовки «львят халифата»²⁰.

В-четвёртых, помимо «семейного» обмена боевым опытом на контролируемых боевиками территориях велась целенаправленная подготовка

¹⁶ Хиджра (араб. — «выселение») — переселение верующих-мусульман, у которых нет возможности на родине свободно исповедовать свою религию, в другой регион, где существуют более подходящие условия для служения Богу.

¹⁷ Шам (араб. — «Сирия») — Сирия и территория Леванта вокруг нее (Ливан, Палестина, Иордания).

¹⁸ См.: Опыт, состояние и перспективы профилактической работы с лицами, возвращенными из зон террористической активности: аналитический обзор. С. 19.

¹⁹ См.: Jihadisten und ihre Rolle bei der Anwerbung von Frauen fuer den Islamischen Staat. BFV., 2015; Analyse der Radikalisierungshintergruende und Verlaeuft der Personen, die aus islamistischer Motivation aus Deutschland in Richtung Syrien oder Irak ausgewandert sind. BFV., 2015.

²⁰ Красинский В. В., Машко В. В. Кто есть кто в международном терроризме. М., 2018. С. 28.

женщин-смертниц и диверсионно-террористическое обучение детей.

В-пятых, некоторые боевики и члены их семей после тактических поражений «армии Халифата» получили задания вернуться в регионы исхода и вести террористическую деятельность на местах²¹. Часть этих людей попросту бежали из брошенных лагерей и тюрем после вывода военных баз США из курдских анклавов на сирийской границе.

Отметим, что подпольная религиозная деятельность, инциденты с нападениями на охрану в лагерях беженцев, убийства сторонниками ИГИЛ надзирателей в тюрьмах, вербовка детей в лагерях перемещенных лиц свидетельствуют о том, что данная категория граждан и после выселения с территорий т.н. «Халифата» не спешит становиться законопослушной²².

С детьми боевиков тоже непростая ситуация. В зависимости от объема правосубъектности детей, связанных с террористическими структурами и возвращенных из регионов террористической активности, можно разделить на три основные группы:

1) малолетние дети в возрасте до шести лет. Полностью недееспособны. Не могут совершать никаких юридически значимых действий;

2) дети в возрасте от шести до 14 лет. Частично дееспособны. Деликтоспособность (способность нести юридическую ответственность за свои действия) устанавливается законодательством страны исхода. Во многих странах прецедентной правовой системы эта категория детей при наличии признаков составов преступлений в их действиях подлежит уголовной ответственности за тяжкие преступления, исходя из принципа неотвратимости наказания за террористическую деятельность²³;

3) дети старше 14 лет. В силу своего возраста, уровня развития личности и психики они, как правило, имеют возможность отдавать отчет

²¹ См.: Дамаскин О. В. Международная террористическая организация «Исламское государство»: современные проблемы и перспективы. С. 132.

²² Так, в крупнейшем сирийском лагере перемещенных лиц «Аль-Хол» находятся до 60 тыс. лиц, ранее проживавших в т.н. «вилаятах» ИГИЛ. Значительная часть из них — семьи джихадистов, боевиков ИГИЛ. По состоянию на 17.01.2021 г. родственниками боевиков ИГИЛ там было убито 14 человек. Жертвами жестоких преступлений в основном были охранники и лица, сотрудничавшие с администрацией лагеря. Во втором по численности лагере Айн-Исса содержится около 13 тыс. человек, ранее связанных с ИГИЛ, в т.ч. более 9,5 тыс. — иностранные граждане (см.: *Elizabeth Tsurkov, Dureen Khalifa. An Unnerving Fate for the Families of Syrias Northeast.* URL: <http://carnegieendowment.org/sada/80950>).

²³ Для властей Ирака и Сирии все иностранцы, независимо от пола и возраста, которые находились на территориях, подконтрольных ИГИЛ, рассматриваются как иностранные наемники-террористы.

в общественной значимости своих действий, делать осознанный выбор и руководить своими действиями. В соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством большинства стран романо-германской правовой семьи они подлежат уголовной ответственности и должны проверяться на причастность к деятельности террористических структур, незаконных вооруженных формирований и совершению тяжких и особо тяжких преступлений.

Рассматривая уголовную ответственность несовершеннолетних за терроризм, эксперты ООН ставят два основных вопроса: 1. Освобождает ли ребенка от уголовной ответственности за совершение террористических преступлений статус жертвы? 2. Может ли ребенок быть жертвой и исполнителем преступления одновременно?²⁴

В «Пособии по работе с детьми, завербованными и эксплуатируемыми террористическими и воинствующими экстремистскими группами» отмечается что «необходимость обращения с ребенком, который был завербован и эксплуатировался террористической или воинствующей экстремистской группой “прежде всего как жертвой”, не означает, что ребенок должен иметь иммунитет от ответственности за преступные деяния, совершенные в то время, когда он был связан с террористической группой»²⁵. При этом возможность быть жертвой деструктивного воздействия террористической структуры не исключает уголовной ответственности за совершенные ребенком преступления.

Вопрос виктимности и деликтоспособности возвращенных граждан (выступают ли родственники, связанные с террористическими структурами и боевиками, несчастными жертвами или субъектами террористической деятельности) решается не через противопоставление гуманизма и права, а с помощью расследования фактической роли этих лиц в террористической системе несостоявшегося «Халифата». Если жена боевика совершала преступления: публично оправдывала терроризм, собирала деньги (пожертвования) для лагерей подготовки боевиков, подстрекала других девушек к выезду в зону вооруженного конфликта, информировала о безопасных маршрутах выезда и нелегального пересечения границы, участвовала в вербовочной деятельности в ряды ИГИЛ, — ее необходимо привлекать к уголовной ответственности.

Если ребенок боевика на момент совершения преступления достиг возраста уголовной ответственности, убивал и калечил заложников,

²⁴ См.: Пособие по работе с детьми, завербованными и эксплуатируемыми террористическими и воинствующими экстремистскими группами: Роль системы правосудия. Вена, 2019. С. 70.

²⁵ Там же. С. 75.

проходил подготовку в учебных лагерях (муаскарах), закладывал взрывные устройства на пути следования колонн правительственных сил правопорядка, снимался в пропагандистских роликах ИГИЛ, — им должны заниматься уже не опекуны, а правоохранительные органы.

Аналогично решаются вопросы с возвратом боевиков-террористов. Сначала установление целей и фактических обстоятельств пребывания на территории, подконтрольной международным террористическим организациям, потом решение вопроса о привлечении или освобождении от уголовной ответственности при наличии оснований. Произвольного освобождения от ответственности за совершенные преступления, связанного с обычаями, личными гарантиями и др., в правовом государстве быть не может. И нет здесь неразрешимых противоречий ни с криминологической, ни с моральной, ни с правовой точек зрения.

Оптимальным вариантом было бы исключение возврата взрослых террористов и минимизация массового возврата в Россию детей боевиков старше 14 лет. В гуманитарных целях можно сделать исключение для сирот, инвалидов и детей этого возраста, состояние жизни и здоровья которых находится под угрозой.

По мнению бывшего начальника контртеррористического управления разведки Соединенного Королевства MI-6 Ричарда Барретта, «в какую бы категорию ни попадали “возвращенцы”, нельзя со 100% вероятностью утверждать, что они абсолютно безопасны для общества... Даже полностью разочаровавшиеся в ИГИЛ люди со временем могут начать более позитивно вспоминать о жизни там»²⁶.

На примере специальной гуманитарной операции «Жусан», проведенной по поручению Президента Республики Казахстан, отметим, что по данным Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, после возвращения в страну за участие в деятельности террористических организаций было осуждено 43 человека (31 мужчина и 12 женщин). 14 человек (12 женщин и двое мужчин) ожидают приговора суда²⁷. В Кыргызстан из Сирии вернулись 72 человека, из них 44 осуждены, 26 человек уже освободились из мест лишения свободы²⁸. Поэтому с женами (вдовами) боевиков и частью их детей после возвращения на

родину должна проводиться фильтрационная работа в кризисных центрах.

Особое значение имеет производство процессуальных действий с участием несовершеннолетних детей, связанных с террористическими структурами.

Особый статус несовершеннолетнего участника уголовного процесса связан с особой заботой со стороны государства, вызванной необходимостью непричинения вреда формирующейся личности несовершеннолетнего, бережного отношения к его правам и свободам, обеспечения неприкосновенности личности, а также сведения к минимуму объема и средств принуждения, применяемых по сравнению с взрослыми лицами²⁹.

Уголовное дело в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении преступления вместе со взрослым, выделяется в отдельное производство. К участию в следственных действиях привлекаются третьи лица (педагоги или психологи) из числа тех, кому ребенок или подросток доверяет и кто может обеспечить соответствующую психологическую атмосферу допроса. Документы о педагогах и психологах, привлекаемых органами предварительного расследования, приобщаются к материалам уголовных дел.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ устанавливает особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетних потерпевших или свидетелей (ст. 191), а также подозреваемых и обвиняемых (ст. 425).

При проведении процессуальных действий следует учитывать особые характеристики несовершеннолетних, среди которых неспособность фиксировать события подробно и в хронологической последовательности, возможность психологического сопротивления, недоверие и недоброжелательное отношение к правоохранительным органам³⁰. Следственные действия не должны создавать условий, ставящих безопасность ребенка под угрозу.

Беседа с ребенком должна быть адаптирована к уровню развития, потребностям и конкретной ситуации отдельного ребенка.

В п. 2 ст. 40 Конвенции о правах ребенка закреплены положения о правах ребенка, подозреваемого, обвиняемого или признанного виновным в нарушении уголовного законодательства: презумпция невиновности; незамедлительное

²⁶ В руинах Халифата. URL: <https://bbc.com/Russian/features-53906398>

²⁷ См.: URL: <https://Ria.ru/20190531/1555158637.html>; <https://zakon.kz> (6/02/20).

²⁸ См.: Опыт, состояние и перспективы профилактической работы с лицами, возвращенными из зон террористической активности: аналитический обзор. С. 13.

²⁹ См.: Особенности производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних / Н. С. Пономарева и др. Воронеж, 2016. С. 29.

³⁰ См.: Пособие по работе с детьми, завербованными и эксплуатируемыми террористическими и воинствующими экстремистскими группами: Роль системы правосудия. С. 48.

и непосредственное информирование об обвинениях, получение правовой и другой необходимой помощи при подготовке и осуществлении защиты; присутствие адвоката или другого лица; свобода от принуждения к даче показаний в качестве свидетеля или признанию вины; право на повторное рассмотрение дела вышестоящим компетентным, независимым и беспристрастным органом или судом; бесплатная помощь переводчика; уважение личной жизни на всех стадиях разбирательства.

В случае допроса свидетеля или потерпевшего применение технических средств фиксации осуществляется с согласия несовершеннолетнего либо его законного представителя. При допросе подозреваемого или обвиняемого технические средства используются по усмотрению органа предварительного следствия. При разъяснении несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав им указывается на необходимость говорить правду (не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний).

Уголовно-процессуальным законодательством установлены требования к продолжительности следственных действий с участием несовершеннолетних (зависят от возраста и процессуального статуса лица):

допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более одного часа; в возрасте от семи до 14 лет — более одного часа, а в общей сложности — более двух часов; в возрасте старше 14 лет — более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день;

допросы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не могут продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день.

В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии участие педагога или психолога обязательно.

При решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр (ст. 423 УПК РФ).

В соответствии с п. в ст. 37 Конвенции о правах ребенка содержание под стражей ребенка следует использовать в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени.

В отношении отдельных составов преступлений террористической направленности и смежных составов, которые являются преступлениями средней степени тяжести (ч. 1 ст. 205² «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», ч. 1, 2 ст. 220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», ч. 1 ст. 221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» УК РФ), возможно прекращение уголовного преследования несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия.

В соответствии с ч. 1 ст. 427 УПК РФ орган предварительного следствия с согласия руководителя следственного подразделения вправе вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия.

Возвращение боевиков и членов семей террористов — крайне деликатный вопрос, требующий соблюдения баланса между интересами обеспечения безопасности населения и защитой прав человека. Увы, в ряде случаев можно говорить о т.н. «злоупотреблении правом» со стороны возвращенных родственников террористов или лиц, претендующих на возвращение в страну исхода.

Как показывает практика, многие граждане Российской Федерации, примкнувшие к международным террористическим организациям и выехавшие в зоны вооруженных конфликтов, страдают синдромом «налого хама»: ненавидят Россию, обвиняют ее во всех своих вехах, не жалеют о содеянном, ждут, что ИГИЛ возродится, но при этом беззастенчиво требуют выплаты различных пособий и предоставления дополнительных социальных гарантий.

Проявления такой социальной безответственности и морально-психологической деформации характерны не только для «возвращенцев» из Сирии и Ирака, но и для сочувствующих джихадистам жителей ряда населенных пунктов на территории Северного Кавказа — мест компактного проживания разыскиваемых и нейтрализованных членов террористического бандподполья.

Подобную ситуацию невозможно представить, например, в Соединенном Королевстве, где лица, покинувшие страну для участия в террористической деятельности (обучение, пособничество, совершение терактов, участие в боевых действиях на стороне террористических структур), безальтернативно лишаются гражданства (подданства) и утрачивают любые права на получение каких-либо форм государственной поддержки и социальной помощи.

«Возвращенцы» — очень сложная категория граждан, которые в силу определенной степени своей интеграции в ИГИЛ и аффилированные с ней структуры должны находиться на особом учете и состоять под временным надзором. Иначе при отсутствии государственного надзора и профилактической работы с этими людьми возможна их радикализация и последующее вовлечение в террористическую и иную преступную деятельность.

Членов семей и родственников террористов с точки зрения криминологии можно рассматривать как отложенную, «спящую» угрозу общественной безопасности.

Лидеры, идеологи и вербовщики международных террористических организаций при вовлечении в террористическую и иную экстремистскую деятельность ориентируются в первую очередь на молодежь и родственную базу боевиков. Рекрутерами в отношении мужчин используется возможная мотивация мести правоохранительным органам за нейтрализацию или осуждение боевиков. При отказе родственников от активного участия в терроризме предлагаются варианты оказания побочнической помощи террористическому бандподполью (оказание финансовой помощи осужденным за терроризм, предоставление участникам террористических структур информации о планируемых правоохранительными органами мероприятий и др.)³¹.

Уровень погруженности в радикальную идеологию лиц, находившихся в зонах повышенной террористической активности, может быть настолько высок, что общечеловеческие ценности в их сознании могут полностью отсутствовать³². Жены и вдовы террористов в силу деформированного в зонах вооруженных конфликтов правосознания и морали, как правило, не способны культивировать в своих детях государственно ориентированные установки и позитивный социальный опыт (толерантность к представителям других конфессий и народов, уважение к традиционной культуре и ценностям, готовность к выполнению гражданского долга, законопослушность, готовность защищать страну). Напротив, многие члены семей бывших террористов, вернувшиеся из регионов повышенной террористической активности,

могут играть роль идейных проводников исламистского радикализма³³. В связи с этим воспитанием детей боевиков должны заниматься высококвалифицированные специалисты: педагоги-психологи. В ином случае при оптимистическом сценарии через несколько лет вырастут безответственные молодые люди, не имеющие гражданского самосознания, с искаженными духовно-нравственными ценностями, а при негативном сценарии — члены террористического бандподполья или участники криминальных структур. Как отмечает В.В. Лунев, «профессиональный, нравственно-правовой и криминальный багаж каждого поколения подростков предопределяет криминологическую обстановку на ближайшие 15–30 лет»³⁴.

Наконец, родственники террористов являются объектом повышенного внимания различных некоммерческих организаций, финансируемых зарубежными спецслужбами и антироссийскими фондами. Так называемые «кураторы-псевдоправозащитники» нередко используют этих людей в своих интересах: для дестабилизации обстановки в Северо-Кавказском регионе, нагнетания социальной напряженности, разжигания межнациональной и межконфессиональной розни.

Поэтому при возвращении членов семей джихадистов в регионы исхода их нужно контролировать и реинтегрировать в общественную жизнь.

На данный момент в Российской Федерации отсутствует комплексная программа по реабилитации членов семей террористов и их полноценной интеграции в общество. Кто будет нести ответственность за этих людей после их возвращения на родину? Правозащитники? Активисты-общественники? Родственники? Ответ отрицательный. Ни те, ни другие, ни третьи. После телевизионных кадров встреч в аэропорту и подготовки отчетов активисты-правозащитники займутся совсем другими, более заметными делами. С опекунами и родственниками террористов тоже все непросто.

К сожалению, однажды они уже упустили из виду своих детей, братьев, сестер, подвергшихся деструктивной психологической обработке, порвавших со своими близкими и прошлой жизнью. Нет гарантий, что они смогут позитивно воздействовать или хотя бы контролировать своих радикальных родственников, получивших опыт жизни в другой стране, в условиях агрессивной террористической идеологии, отсутствия светских законов и ненависти к традиционным государственным институтам.

³¹ См.: Красинский В.В., Машко В.В. Особенности вербовочной деятельности международных террористических организаций на современном этапе // Преступность 21 века. Транснациональный характер. Теневая экономика. Влияние на государство: сб. науч. тр. / под ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 146–161.

³² См.: Меркурьев В.В., Васнецова А.С., Ульянов М.В. Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях на территории Ирака и Сирии // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А.И. Долговой. М., 2017. С. 432–438.

³³ См.: Красинский В.В., Абалов И.Ю. Оценка будущих террористических угроз // Современное право. 2015. № 9. С. 143–148. DOI: 10.18411/g-2017-759

³⁴ Лунев В.В. Курс мировой и российской криминологии. М., 2011. Т. 2. С. 736.

Семьи, вероятнее всего, самостоятельно не справятся. Нужны психологи — профессионалы, которых нет. Нет не только в России. Нигде нет. Ни одно из государств не может предложить эффективные программы реабилитации и интеграции бывших террористов и членов их семей³⁵.

По данным эксперта Международного центра по борьбе с терроризмом в Гааге Лисбет ван дер Хайде, исследование программ дерадикализации, продолжавшееся десятилетия назад, не показало явных преимуществ.

Эффективность большинства европейских программ также не подтверждена в связи с отсутствием четких индикаторов и апробированных методик дерадикализации³⁶.

Помимо радикального «отказного» варианта решения проблемы «реверса» (Бельгия, США, Австралия, Соединенное Королевство, Франция, Нидерланды, Швеция, Бангладеш, Индонезия) существует, как уже отмечалось, предусмотренный в законодательстве многих зарубежных государств сценарий лишения национального гражданства боевиков-террористов³⁷.

В частности, в Австралии приняты поправки к Закону «О гражданстве» (*Australian Citizenship Act*³⁸), в соответствии с которыми лица, имеющие двойное гражданство и подозреваемые в причастности к терроризму, лишаются австралийского гражданства и подлежат депортации.

В январе 2015 г. парламентом Соединенного Королевства был принят Закон «О борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности» (*Counter-Terror and Security Act 2015*³⁹), который предусматривает

временный запрет на въезд в страну лиц, подозреваемых в причастности к терроризму за границей. Основой запрета является судебное постановление о временном воспрепятствовании (на срок до 24 месяцев) во въезде в страну лиц, подозреваемых в терроризме (*Temporary Exclusion Order*). Эта мера реализуется путем внесения подозреваемых в терроризме в список «недопускаемых к авиаполетам лиц» и изъятия паспортов на пунктах пограничного контроля. Лица, въезжающие в Соединенное Королевство, в случае подозрений в причастности к террористической деятельности могут быть подвергнуты допросу и временному задержанию.

Сотрудникам полиции и пограничной службы предоставляется право изымать на границе паспорта и билеты поданных Соединенного Королевства сроком на 30 суток, если органы власти обоснованно подозревают указанных лиц в намерении участвовать в террористической деятельности за пределами Соединенного Королевства или в том, что они ранее прибыли на территорию страны для последующего выезда за ее пределы в террористических целях. Судебный запрет на въезд может быть продлен по представлению руководства МВД Великобритании. Попытка несанкционированного въезда в страну в нарушение действующего законодательства влечет лишение свободы на срок до пяти лет.

Министр внутренних дел Великобритании с целью предупреждения терроризма вправе издавать указы о высылке из страны лиц, имеющих отношение к совершению, подготовке или подстрекательству к террористической деятельности. Законом также предусмотрена возможность изъятия паспортов поданных Соединенного Королевства, не достигших 18-летнего возраста, при попытке выезда в регионы повышенной террористической активности (Афгано-пакистанская зона, Сирия, Ирак).

4 декабря 2015 г. Конституционным собранием Республики Дагестан в Государственную Думу был внесен законопроект № 945490-6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации”» (в части введения процедуры лишения гражданства отдельных категорий граждан Российской Федерации).

Законопроектом было предусмотрено лишение гражданства в связи с участием граждан в боевых действиях на стороне международных террористических организаций и осуществлением террористической деятельности в составе незаконных вооруженных формирований на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рецепция российским законодателем подобного опыта на данный момент невозможна. Данная правовая инициатива не соответствует Конституции РФ, поскольку в силу ч. 3 ст. 6 никто не может

³⁵ См.: *Trauma Rehabilitation after War and Conflict: Community and Individual Perspectives*, Erin Martz. NY., 2010. P. 312–349; *Dyan E. Mazurana. Girls in fighting forces and groups: their recruitment, participation, demobilization and reintegration // Journal of Peace Psychology. Vol. 8. No. 2 (2002). P. 97–123; Matthew Hapold. Child Soldiers in International Law. NY., 2005. P. 18; Дети и вооруженные конфликты: доклад Генерального секретаря ООН A/70/836-S/2016/360.*

³⁶ См.: *Карпачева О.В., Нефляшева Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // Журнал исторических исследований. 2018. Т. 3. № 4; Varvelli Arturo. Jihadist Hotbeds. Understanding Local Radicalization Processes. Milano, 2016; West Mosul. Perceptions on return and reintegration among stayees IDPS and returnees. IOM, 2019.*

³⁷ См.: *Mercer P. Unease Grows over New Australian Dual Citizenship Rules // BBC. 2015. June 1; Красинский В.В. Противодействие использованию террористическими организациями каналов миграции и вовлечению граждан России в террористическую деятельность за рубежом. С. 88–93.*

³⁸ См.: URL: <https://www.legislation.gov.au/details/C2006C000317> (дата обращения: 22.01.2021).

³⁹ См.: URL: <https://www.gov.uk/government/publications/factsheet-counter-terrorism-and-security-bill> (дата обращения: 22.01.2021).

быть лишен своего гражданства. В Российской Федерации не допускается лишение гражданства даже в качестве санкции за совершенное преступление.

Как свидетельствует практика Конституционного Суда РФ⁴⁰, прекращение гражданства Российской Федерации возможно лишь по добровольному волеизъявлению гражданина в условиях свободного выбора.

Единственным выходом из ситуации является обязательное дактилоскопирование, получение биологического материала и особый учет всех граждан Российской Федерации, утративших документы и (или) проживавших в зонах террористической активности, находившихся под контролем международных террористических организаций и незаконных вооруженных формирований. Вопросы полноценной социальной адаптации членов семей боевиков должны решаться на индивидуальной основе под надзором правоохранительных органов.

Организованное возвращение граждан из зон террористической активности предполагает комплексную работу уполномоченных государственных органов в сотрудничестве с международными гуманитарными организациями, в сочетании с последующей фильтрацией, централизованным учетом и обязательными индивидуальными программами реабилитации и реинтеграции, сформированными с учетом региональных, гендерных и возрастных особенностей. Данные программы и методики должны быть разработаны на федеральном уровне и адаптированы к особенностям регионов и муниципальных образований.

Бессистемная и формальная профилактика, шаблонно-бюрократические подходы, отсутствие надзора несут существенные риски вторичной радикализации и вовлечения возвращенных лиц в террористическую и иную противоправную деятельность.

* * *

Рассмотрение проблемы «реверса» террористов и их родственников как синтеза гуманитарных, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминологических аспектов позволяет констатировать теоретическую и практическую значимость рассматриваемых вопросов и вносимых предложений в качестве основы международного сотрудничества в защите прав человека и противодействии транснациональному терроризму в интересах международной и национальной безопасности.

⁴⁰ См.: постановление от 16.05.1996 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта “г” статьи 18 Закона Российской Федерации “О гражданстве Российской Федерации” в связи с жалобой А.Б. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2579.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аистова Л. С.* Уголовное право зарубежных стран. СПб., 2013.
2. В руинах Халифата. URL: <https://bbc.com/Russian/features-53906398>
3. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы. М., 2019.
4. *Галузо В. Н., Эриашвили Н. Д.* О противодействии терроризму (финансово-правовой и сравнительно-правовой аспекты) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 2. С. 19–25.
5. *Дамаскин О. В.* Криминологические аспекты детерминации экстремизма и терроризма. М., 2018.
6. *Дамаскин О. В.* Международная террористическая организация «Исламское государство»: современные проблемы и перспективы // Преступность в 21 веке. Приоритетные направления противодействия / под ред. А. Н. Савенкова. М., 2020. С. 132.
7. *Дамаскин О. В.* Преступность в XXI веке проблемы и перспективы. М., 2020.
8. *Дамаскин О. В.* Транснациональная преступность: проблемы международной и национальной безопасности. М., 2019.
9. ИГИЛ как угроза международной безопасности. М., 2015.
10. Ислам и исламский терроризм. М., 2003.
11. *Капинус О. С.* Научные подходы к противодействию вербовочной деятельности международных террористических организаций // Противодействие терроризму. Проблемы 21 века. 2016. № 1. С. 5.
12. *Карпачева О. В., Нефляшева Н. А.* Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // Журнал исторических исследований. 2018. Т. 3. № 4.
13. *Керимов А. Д., Красинский В. В.* О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 49–56.
14. *Красинский В. В.* Противодействие использованию террористическими организациями каналов миграции и вовлечению граждан России в террористическую деятельность за рубежом // Современное право. 2017. № 2. С. 88–93. DOI: 10.18411/g-2017-986
15. *Красинский В. В., Абалов И. Ю.* Оценка будущих террористических угроз // Современное право. 2015. № 9. С. 143–148. DOI: 10.18411/g-2017-759
16. *Красинский В. В., Машко В. В.* Кто есть кто в международном терроризме. М., 2018. С. 28.
17. *Красинский В. В., Машко В. В.* Особенности вербовочной деятельности международных террористических организаций на современном этапе // Преступность 21 века. Транснациональный характер. Теневая экономика. Влияние на государство: сб. науч. тр. / под ред. А. Н. Савенкова. М., 2019. С. 146–161.
18. *Лунеев В. В.* Курс мировой и российской криминологии. М., 2011. Т. 2. С. 736.

19. *Малиновский А.А.* Сравнительное уголовное право. М., 2016.
20. *Меркурьев В.В., Васнецова А.С., Ульянов М.В.* Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях на территории Ирака и Сирии // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под ред. А.И. Долговой. М., 2017. С. 432–438.
21. *Меркурьев В.В., Гладков И.В., Соколов Д.А.* Деятельность международных террористических и экстремистских организаций как источник угрозы национальной безопасности России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 4. С. 48–55.
22. Опыт, состояние и перспективы профилактической работы с лицами, возвращенными из зон террористической активности: аналитический обзор. М., 2020. С. 11, 13, 19.
23. Особенности производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних / Н.С. Пономарева и др. Воронеж, 2016. С. 29.
24. Пособие по работе с детьми, завербованными и эксплуатируемыми террористическими и воинствующими экстремистскими группами: Роль системы правосудия. Вена, 2019. С. 48, 70, 75.
25. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020.
26. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
27. Analyse der Radikalisierungshintergruende und Verlaeufer der Personen, die aus islamistischer Motivation aus Deutschland in Richtung Syrien oder Irak ausgereist sind. BFV., 2015.
28. *Bruno Schirra.* ISIS – Der globale Dschihad: Wie der Islamische Staat den Terror nach Europa traegt. 2015.
29. *Dyan E. Mazurana.* Girls in fighting forces and groups: their recruitment, participation, demobilization and reintegration // Journal of Peace Psychology. Vol. 8. No. 2 (2002). P. 97–123.
30. *Elizabeth Tsurkov, Dureen Khalifa.* An Unnerving Fate for the Families of Syrias Northeast. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/80950>
31. *Gus Martin.* Understanding Terrorism Challenges Perspectives and Issues. SAGE Productions, 2013.
32. Jihadisten und ihre Rolle bei der Anwerbung von Frauen fuer den Islamischen Staat. BFV., 2015.
33. *Matthew Happold.* Child Soldiers in International Law. NY., 2005. P. 18.
34. *Mercer P.* Unease Grows over New Australian Dual Citizenship Rules // BBC. 2015. June 1.
35. Trauma Rehabilitation after War and Conflict: Community and Individual Perspectives, Erin Martz. NY., 2010. P. 312–349.
36. *Varvelli Arturo.* Jihadist Hotbeds. Understanding Local Radicalization Processes. Milano, 2016.
37. *West Mosul.* Perceptions on return and reintegration among stayees IDPS and returnees. IOM, 2019.

REFERENCES

1. *Aistova L.S.* Criminal Law of foreign countries. SPb., 2013 (in Russ.).
2. In the ruins of the Caliphate. URL: <https://bbc.com/Russian/features-53906398> (in Russ.).
3. The fight against terrorism: new challenges and threats. М., 2019 (in Russ.).
4. *Galuzo V.N., Eriashvili N.D.* On countering terrorism (financial-legal and comparative-legal aspects) // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2016. No. 2. P. 19–25 (in Russ.).
5. *Damaskin O.V.* Criminological aspects of the determination of extremism and terrorism. М., 2018 (in Russ.).
6. *Damaskin O.V.* International terrorist organization “Islamic State”: modern problems and prospects // Crime in the 21st century. Priority areas for counter / ed. by A.N. Savenkov. М., 2020. P. 132 (in Russ.).
7. *Damaskin O.V.* Crime in the twenty-first century: problems and perspectives. М., 2020 (in Russ.).
8. *Damaskin O.V.* Transnational crime: problems of international and national security. М., 2019 (in Russ.).
9. ISIS as a threat to international security. М., 2015 (in Russ.).
10. Islam and Islamic terrorism. М., 2003 (in Russ.).
11. *Kapinus O.S.* Scientific approaches to countering the recruitment activities of international terrorist organizations // Countering terrorism. Problems of the 21st century. 2016. No. 1. P. 5 (in Russ.).
12. *Karpacheva O.V., Neflyasheva N.A.* The experience of deradicalization of the Islamic movement in Egypt and Russia // Journal of Historical Research. 2018. Vol. 3. No. 4 (in Russ.).
13. *Kerimov A.D., Krasinsky V.V.* On the neutralization of security threats associated with the penetration into the territory of the Russian Federation of members of international terrorist organizations and the involvement of Russian citizens in terrorist activities abroad // Constitutional and Municipal Law. 2016. No. 6. P. 49–56 (in Russ.).
14. *Krasinsky V.V.* Countering the use of migration channels by terrorist organizations and the involvement of Russian citizens in terrorist activities abroad // Modern law. 2017. No. 2. P. 88–93. DOI: 10.18411/g-2017-986 (in Russ.).
15. *Krasinsky V.V., Abalov I. Yu.* Assessment of future terrorist threats // Modern law. 2015. No. 9. P. 143–148. DOI: 10.18411/g-2017-759 (in Russ.).
16. *Krasinsky V.V., Mashko V.V.* Who’s Who in international terrorism. М., 2018. P. 28 (in Russ.).
17. *Krasinsky V.V., Mashko V.V.* Features the recruiting activities of international terrorist organizations at the present stage // Crime of the 21st century. Transnational nature. Shadow economy. Influence on the state: collection of scientific works / ed. by A.N. Savenkov. М., 2019. P. 146–161 (in Russ.).
18. *Luneev V.V.* The course of Russian and global criminology. М., 2011. Vol. 2. P. 736 (in Russ.).
19. *Malinovsky A.A.* Comparative Criminal Law. М., 2016 (in Russ.).

20. *Merkur'ev V.V., Vasnetsov A.S., Ulyanov M.V.* Criminological characteristics of persons involved in illegal armed formations on the territory of Iraq and Syria // Problem determination and crime prevention / ed. by A.I. Dolgova. M., 2017. P. 432–438 (in Russ.).
21. *Merkur'ev V.V., Gladkov I.V., Sokolov D.A.* Activities of international terrorist and extremist organizations as a threat to the national security of Russia // Herald of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation. 2011. No. 4. P. 48–55 (in Russ.).
22. Experience the condition and prospects of preventive work with people who returned from areas of terrorist activity: an analytical review. M., 2020. P. 11, 13, 19 (in Russ.).
23. Features of production of certain investigative actions involving a juvenile / N.S. Ponomareva, etc. Voronezh, 2016. P. 29 (in Russ.).
24. Handbook on working with children recruited and exploited by Terrorist and Militant Extremist groups: The role of the justice system. Vienna, 2019. P. 48, 70, 75 (in Russ.).
25. Crime in the XXI century. Priority areas of counteraction / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2020 (in Russ.).
26. *Savenkov A.N.* State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).
27. Analyse der Radikalisierungshintergruende und Verlaeuße der Personen, die aus islamistischer Motivation aus Deutschland in Richtung Syrien oder Irak ausgereist sind. BFV., 2015.
28. *Bruno Schirra.* ISIS – Der globale Dschihad: Wie der Islamische Staat den Terror nach Europa traegt. 2015.
29. *Dyan E. Mazurana.* Girls in fighting forces and groups: their recruitment, participation, demobilization and reintegration // Journal of Peace Psychology. Vol. 8. No. 2 (2002). P. 97–123.
30. *Elizabeth Tsurkov, Dareen Khalifa.* An Unnerving Fate for the Families of Syrias Northeast. URL: <http://carnegieendowment.org/sada/80950>
31. *Gus Martin.* Understanding Terrorism Challenges Perspectives and Issues. SAGE Productions, 2013.
32. Jihadisten und ihre Rolle bei der Anwerbung von Frauen fuer den Islamischen Staat. BFV., 2015.
33. *Matthew Happold.* Child Soldiers in International Law. NY., 2005. P. 18.
34. *Mercer P.* Unease Grows over New Australian Dual Citizenship Rules // BBC. 2015. June 1.
35. Trauma Rehabilitation after War and Conflict: Community and Individual Perspectives, Erin Martz. NY., 2010. P. 312–349.
36. *Varvelli Arturo.* Jihadist Hotbeds. Understanding Local Radicalization Processes. Milano, 2016.
37. *West Mosul.* Perceptions on return and reintegration among stayees IDPS and returnees. IOM, 2019.

Сведения об авторах

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КРАСИНСКИЙ Владислав Вячеславович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника управления противодействия терроризму и экстремизму Главного управления региональной безопасности Московской области; 143407 Московская область, г. Красногорск, бульвар Строителей, д. 1

Authors' information

DAMASKIN Oleg V. – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KRASINSKY Vladislav V. – Doctor of Law, associate Professor, Deputy Head of the Department of counteraction to extremism and terrorism of the Main Department of regional security of the Moscow region; 1 Stroiteley boulevard, 143407 Moscow region, Krasnogorsk, Russia